

Иван Сергеевич Тургенев. Бретер

 Собрание сочинений в десяти томах.
 Том пятый.
 Гослитиздат, Москва, 1961
 OCR Конник М.В.

БРЕТЁР

1

...ий кирасирский полк квартировал в 1829 году в селе Кириллове, К.-ской губернии. Это село с своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими ракетами издали казалось островом среди необозримого моря распаханых черноземных полей. Посреди села находился небольшой пруд, вечно покрытый гусиным пухом, с грязными, изрытыми берегами; во ста шагах от пруда, на другой стороне дороги, высился господский деревянный дом, давно пустой и печально подавшийся набок; за домом тянулся заброшенный сад; в саду росли старые, бесплодные яблони, высокие березы, усеянные вороньими гнездами; на конце главной аллеи, в маленьком домишке (бывшей господской бане) жил дряхлый дворецкий и, покрехтывая да покашливая, каждое утро, по старой привычке, тащился через сад в барские покои, хотя в них нечего было стеречь, кроме джуины белых кресел, обитых полинялым штофом, двух пузатых комодов на кривых ножках, с медными ручками, четырех дырявых картин и одного черного арапа из алебаstra с отбитым носом. Владелец этого дома, молодой и беспечный человек, жил то в Петербурге, то за границей - и совершенно позабыл о своем поместье. Оно досталось ему лет восемь тому назад от престарелого дяди, известного некогда всему околотку своими отличными наливками. Пустые темно-зеленые бутылки до сих пор еще валялись в кладовой вместе с разным хламом, скупно исписанными тетрадами в пестрых переплетах, старинными стеклянными люстрами, дворянским мундиром времен Екатерины, заржавевшей шпагой с стальной рукояткой и т.д. В одном из флигелей помещался сам полковник, человек женатый, высокого роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. В другом флигеле жил полковой адъютант, чувствительный и раздушенный человек, охотник до цветов и до бабочек. Общество гг. офицеров ...го полка не отличалось от всякого другого общества. В числе их были хорошие и дурные, умные и пустые люди... Между ними некто Авдей Иванович Лучков, штабс-ротмистр, слыл бретером. Лучков был роста небольшого, неказист; лицо имел малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькие, черные, черты лица обыкновенные и темные глазки. Он рано остался сиротой, вырос в нужде и загоне. По целым неделям вел он себя тихо... и вдруг - словно бес какой им овладеет - ко всем пристаёт, всем надоедает, всем нагло смотрит в глаза; ну так и напрашивается на ссору. Впрочем, Авдей Иванович не чуждался своих сослуживцев, но в дружбе состоял с одним только раздушенным адъютантом; в карты не играл и не пил вина.

В мае 1829 года, незадолго до начатия учений, прибыл в полк молодой корнет Федор Федорович Кистер, русский дворянин немецкого происхождения, очень белокурый и очень скромный, образованный и начитанный. Он до двадцатилетнего возраста жил в родительском доме под крылышками матушки, бабушки и двух тетюшек; поступил же в военную службу единственно по желанию бабушки, которая даже под старость не могла без волнения видеть белый султан... Он служил без особенной охоты, но с усердием, точно и добросовестно исполнял долг свой; одевался не щеголевато, но чисто и по форме. В первый же день своего приезда Федор Федорович явился к начальникам; потом начал устраивать свою квартиру. Он привез с собою дешевенькие обои, коврики, полочки и т. д., оклеил все стены, двери, наделал разных перегородок, велел вычистить двор, перестроил конюшню, кухню, отвел даже место для ванны... Целую неделю хлопотал он; зато любо было потом войти в его комнату. Перед окнами стоял опрятный стол, покрытый разными вещичками; в углу находилась полочка для книг с бюстами Шиллера и Гете; на стенах висели ландкарты, четыре греведо-новские головки и охотничье ружье; возле стола стройно возвышался ряд трубок с исправными мундштуками; в сенях на полу лежал коврик; все двери запирались на замок; окна завешивались гардинами. Все в комнате Федора Федоровича дышало порядком и чистотой. То ли дело у других товарищей! К иному едва проберешься через грязный двор; в сенях, за облупившимися парусинными ширмами, храпит денщик;

на полу - гнилая солома; на плите - сапоги и доньшко банки, залитое ваксой; в самой комнате - покоробленный ломберный стол, исписанный мелом; на столе-стаканы, до половины наполненные холодным темно-бурым чаем; у стены - широкий проломленный, замасленный диван; на окнах-трубочный пепел... На неуклюжем и пухлом кресле восседает сам хозяин в шлафроке травяного цвета с малиновыми плисовыми отворотами и вышитой ермолке азиатского происхождения, а возле хозяина храпит безобразно толстый и негодный пес в вонючем медном ошейнике... Все двери всегда настезь...

Федор Федорович понравился своим новым товарищам. Они его полюбили за добродушие, скромность, сердечную теплоту и природную наклонность ко "всему прекрасному" - словом, за все то, что в другом офицере нашли бы, может быть,